

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ 4
КЛАССА

Александр Пушкин

Хрестоматия для 4 класса

«ЭКСМО»
«Азбука-Аттикус»
«ФТМ»
«Public Domain»
«Издательство АСТ»
«Знак»

«Азбука-Аттикус»

Пушкин А. С.

Хрестоматия для 4 класса / А. С. Пушкин — «Эксмо», «Азбука-Аттикус», «ФТМ», «Public Domain», «Издательство АСТ», «Знакъ», «Азбука-Аттикус»,

ISBN 978-5-17-063573-3

Хрестоматия для 4 класса

ISBN 978-5-17-063573-3

© Пушкин А. С.
© Эксмо
© Азбука-Аттикус
© ФТМ
© Public Domain
© Издательство АСТ
© Знакъ

Содержание

Сергей Петрович Алексеев	7
Брестская крепость	7
Капитан Гастелло	9
Как «Катюша» «Катюшей» стала	10
Конец Блицкрига	11
Вязьма	12
Генерал Жуков	13
Московское небо	14
Тульские пряники	16
Красная Площадь	17
Подвиг у Дубосекова	18
«Знай наших!»	19
«Ни шагу назад!»	20
Тридцать три богатыря	21
Руки кверху, фельдмаршал Паулюс!	22
Подвиг Корницкого	23
Железный батальон	24
Поклон победителям	25
Оксанка	26
Матросское сердце	28
Всезнайка	29
«Багратион»	31
Три автомата	33
Мерещится	34
Дедушка, бабушка, Герхард и Густав	35
Очистил воздух. Рассеял гарь	36
Последние метры война считает	37
Знамя Победы	38
Ханс Кристиан Андерсен	39
Дикие лебеди	39
Русалочка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Хрестоматия для 4 класса

Сергей Петрович Алексеев Рассказы о войне

Брестская крепость

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны. Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость.

Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода – река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

– Воды!

– Воды!

– Воды! – несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик – испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

– Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

– Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат – по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах.

– Подходи, – произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг...

– Братцы, ее бы не нам, а раненым, – раздался чей-то голос.

Остановились бойцы.

– Конечно, раненым!

– Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.

– Братцы, – сказал, – водица...

Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.

– Получай, – протянул он солдату кружку.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:

– Нет, не мне, – произнес солдат. – Не мне. Детям тащи, родимый.

– Детям! Детям! – слышались голоса.

Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети – жены и дети военнослужащих.

Спустился солдат в подвал, где были дети.

– А ну, подходи, – обратился боец к ребятам. – Подходи, становись, – и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.

Смотрят ребята – в каске вода.

– Вода!

Бросились дети к воде, к солдату.

Взял боец кружку, осторожно налил на донышко. Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.

– На, – протянул малышу.

Посмотрел малыш на бойца, на воду.

– Папке, – сказал малыш. – Он там, он стреляет.

– Да пей же, пей, – улыбнулся боец.

– Нет, – покачал головой мальчонка. – Папке. – Так и не выпил глотка воды.

И другие за ним отказались.

Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.

Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.

Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых.

Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.

Ждут фашисты – вот-вот, и запросят пощады люди. Вот-вот, и появится белый флаг.

Ждали, ждали – не виден флаг. Пощады никто не просит.

Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» – написал на стене штыком один из последних ее защитников.

Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.

Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям.

Капитан Гастелло

Шел пятый день войны. Летчик капитан Николай Францевич Гастелло со своим экипажем вел самолет на боевое задание. Самолет был большой, двухмоторный. Бомбардировщик.

Вышел самолет к намеченной цели. Отбомбился. Выполнил боевую задачу. Развернулся. Стал уходить домой.

И вдруг сзади разрыв снаряда. Это фашисты открыли огонь по советскому летчику. Произошло самое страшное, снаряд пробил бензиновый бак. Загорелся бомбардировщик. Побежало по крыльям, по фюзеляжу пламя.

Капитан Гастелло попытался сбить огонь. Он резко накренил самолет на крыло. Заставил машину как бы падать набок. Называется такое положение самолета скольжением. Думал летчик, собьется, утихнет пламя. Однако продолжала гореть машина. Свалил Гастелло бомбардировщик на второе крыло. Не исчезает огонь. Горит самолет, высоту теряет.

В это время под самолетом внизу двигалась фашистская автоколонна: цистерны с горячим в колонне, автомашины. Подняли фашисты головы, следят за советским бомбардировщиком.

Видели фашисты, как попал в самолет снаряд, как вспыхнуло сразу пламя. Как стал бороться летчик с огнем, бросая машину из стороны в сторону.

Торжествуют фашисты.

– Меньше одним коммунистом стало!

Смеются фашисты. И вдруг...

Старался, старался капитан Гастелло сбить с самолета пламя. Бросал с крыла на крыло машину. Ясно – не сбить огонь. Бежит навстречу самолету со страшной быстротой земля. Глянул Гастелло на землю. Увидел внизу фашистов, автоколонну, цистерны с горячим, грузовики.

А это значит: придут цистерны к цели – будут заправлены бензином фашистские самолеты, будут заправлены танки и автомашины; ринутся на наши города и села фашистские самолеты, пойдут в атаку на наших бойцов фашистские танки, помчатся машины, повезут фашистских солдат и военные грузы.

Капитан Гастелло мог оставить горящий самолет и выброситься с парашютом.

Но не воспользовался парашютом капитан Гастелло. Сжал он потверже в руках штурвал. Нацелил бомбардировщик на фашистскую автоколонну.

Стоят фашисты, смотрят на советский самолет. Рады фашисты. Довольны, что их зенитчики наш самолет подбили. И вдруг понимают: прямо на них, на цистерны устремляется самолет.

Бросились фашисты в разные стороны. Да не все убежать успели. Врезался самолет в фашистскую автоколонну. Раздался страшный взрыв. Десятки фашистских машин с горячим взлетели в воздух.

Много славных подвигов совершили советские воины в годы Великой Отечественной войны – и летчики, и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы. Много незабываемых подвигов. Одним из первых в этом ряду бессмертных был подвиг капитана Гастелло.

Погиб капитан Гастелло. А память осталась. Вечная память. Вечная слава.

Как «Катюша» «Катюшей» стала

«Катюши» – это реактивные минометные установки, которые в первые дни войны появились в Советской Армии. Снаряды «катюш» обладали огромной разрушительной силой. К тому же, летя по небу, они оставляли угрожающий огненный след.

Впервые «катюши» были применены 14 июля 1941 года в боях под городом Оршей.

Идут фашисты. Орша рядом. Орша наша, считают уже фашисты. Еще шаг, еще два – и схватят город за горло.

Идут фашисты, и вдруг... Словно разорвалось на части небо. Словно встало оно на дыбы. Словно стрелы огня и лавы метнуло небо сюда на землю. Это реактивные снаряды «катюш» открыли огонь по фашистам.

– Тойфель!

– Тойфель!

– Дьявол в небе! – кричат фашисты.

Немного фашистов тогда уцелело. Кто выжил, зайцем метнулся к себе в тылы.

– Дьявол, дьявол в небе! – кричат фашисты. И выбивают зубами пляс.

Следующий, еще более сильный удар по фашистам «катюши» произвели во время Смоленского сражения. Потом «катюши» принимали участие в великой Московской битве, в боях под Сталинградом, затем громили врагов под Орлом и под Курском, под Киевом и под Минском и во многих других местах.

«Катюша» не сразу «катюшей» стала. Вначале солдаты называли ее «Раисой».

– «Раиса» приехала.

– «Раиса» послала гостинцы фрицам.

Затем более уважительно стали звать «Марией Ивановной».

– «Мария Ивановна» к нам пожаловала.

– «Мария Ивановна», братцы, прибыла.

И только потом кто-то сказал «Катюша»! Понравилось солдатам это простое имя. Были в нем душевность и ласковость.

Даже песню сложили солдаты тогда про «катюшу». Вот два куплета из этой песни:

Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов вой.
Выезжала из лесу «катюша»
На рубеж знакомый, огневой.
Выезжала, мины заряжала,
Сокрушала изверга-врага.
Ахнет раз – и роты не бывало.
Ахнет два – и нет уже полка!

Знаменитой «катюше» сейчас установлен памятник. Стоит он там, где «катюша» впервые открыла огонь по фашистам. В городе Орше, на берегу Днепра.

Конец Блицкрига

Начиная войну против Советского Союза, фашисты хвастливо заявили, что они быстро расправятся с нашей армией. Фашисты назначили точные сроки взятия советских городов. В первый же месяц войны они рассчитывали взять и Одессу, и Киев, и Ленинград, и Москву. Блицкригом, то есть молниеносной стремительной войной, назвали фашисты свое нападение на нашу Родину.

– Мы быстро дойдем до Москвы!

– До Ленинграда!

– До Киева!

– Мы быстро дойдем до Архангельска! До Вологды! До Саратова!

Прошел месяц.

Не взята еще Москва.

Не взят Ленинград.

Не захвачен Киев.

И конечно, совсем далеко Саратов, Архангельск, Вологда.

Прошел второй месяц.

Не взята еще Москва.

Не взят Ленинград.

Не захвачен Киев.

И конечно, совсем-совсем далеко Саратов, Архангельск, Вологда.

Третий месяц идет к концу.

Все так же – где-то там, за холмами, за полями, еще Москва.

Все так же – в мечтах остается пока Ленинград!

Все так же – не сломен Киев.

Пришел сентябрь. В окно застучалась осень. Все тише, все тише грозный фашистский шаг. Все реже вспоминают они о хваленном своем блицкриге.

Смеются советские солдаты:

– Похоронили мы блиц фашистский.

– Кол из осины над блицем вбили.

Провалились фашистские планы. Устояли в смертельной схватке с врагом советские люди. Война не кончилась. Война набирала силу.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Торжествуют фашисты. Сам Гитлер, фашистский фюрер, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

Бросил фюрер с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

В гнев великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

Вот смелый один нашелся.

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Разъярен, ругается Гитлер. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал...

Слушает Гитлер:

– Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

– Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы. – И перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так-так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы эти вот тут, – уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова посмотрели.

– Слушаю дальше, – сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

– Вот сюда, – говорят офицеры, – к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

– Нет, – возражает Жуков. – Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, – и показывает новое место на карте.

Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

– Не сомневайтесь. Все именно так. У меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб – поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

Московское небо

Было это еще до начала Московской битвы.

Решал Гитлер в Берлине: как поступить с Москвой? Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое.

«Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!»

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

«Будут помнить меня потомки!»

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

– Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

– Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

– Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу:

– Уничтожить! Сровнять с землей!

– Так точно, сровнять с землей, – замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в своих креслах пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе своими лучами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвездные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость.

22 самолета сбито.

– Н-да... – протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, а небольшими группами.

Вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три-четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Новый придумали план гитлеровские генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они.

Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолеты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет снимки генералам...

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтал фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Тульские пряники

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость...

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны. Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Подошел Ваня к готовым минам. Наклейки на мины – шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Улыбаются рабочие:

– Вот так фашистам «сладость».

– Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Улыбаются солдаты:

– Ай да «сюрприз» фашистам!

– Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

А все, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, минометы и мины, – стали называть солдаты тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Так и не прорвались фашисты к Туле. Видимо, хороши «тульские пряники»!

Красная Площадь

1941 год. 7 Ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника.

Замер солдат Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на ленинском Мавзолее. Все точь-в-точь как в бывшее мирное время.

Только редкость для этого дня – от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Застыли на минуту стрелки часов на кремлевской башне.

Отбили куранты время.

Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окруженными со всех сторон. Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвертых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

– На вас, – долетают слова до Митрохина, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

– Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, – летят сквозь мороз слова. – Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

– Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая, – говорил Сталин. – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

И сразу же после речи Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шли артиллерия и кавалерийские части, прогремели металлом танки.

Все это здесь, на Красной площади, в такой тревожный час, казалось чудом. И вот войска, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова направлялись на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шел рядовой Митрохин. И с ним шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Подвиг у Дубосекова

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков.

Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

– Двадцать штук.

Усмехнулся Клочков:

– Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

– Меньше, – сказал рядовой Емцов.

– Конечно, меньше, – сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

– Ура! – разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

– Поперхнулся, видать, разбойник, – произнес сержант Петренко.

– Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят – снова идет лавина. Сосчитали – тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

– Друзья, – произнес Клочков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов, Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты про-
рвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок, на кручу.
Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Много их – сотни,
а то и тысяча.

Смотрят бойцы на фашистов. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы.

– Верно – картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

– Эх, пушку бы сюда, – произнес один.

Второй добавляет:

– И к ней снаряды.

– А смелые ребята найдутся, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта,
круче появилась артиллерийская упряжка.

Протерли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Все настоящее. Лошади. Пушка. Два
солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже увидели там фашистов. Развернули солдаты
пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших!

Много фашистов осталось в низине. А те, кто живые, бросились вверх по крутому склону,
как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулеметным огнем солдаты. Довершили
отважное дело.

Смотрят наши бойцы: а где же упряжка? Скрылась она из виду. Как пришла, так и ушла,
словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и все, что на память об отважных бойцах осталось.

«Ни шагу назад!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

– Ни шагу назад! – поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой – жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

– Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

– Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел еще раз на Гушина, Бурдова – на соседей своих по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмешь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит как ветер. Годы текут как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

Тридцать три богатыря

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперед прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семен Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

– А ну, расскажи, расскажи про геройство, – просят его солдаты.

Засмутился Семен Калита:

– Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно – рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

– А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмутился Иван Тимофеев:

– Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный – вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Засмутился Владимир Пасхальный:

– Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев – вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Восхищаются солдаты:

– Вот так стрелок!

– Провел, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

– Товарищ Евтифеев, расскажи, как было.

Усмехнулся Евтифеев, рассказывать начал.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах. Только солдатам все мало:

– А что ж про себя ни слова?

Засмутился Евтифеев.

– Да я... – глянул вокруг, увидел Семена Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: – Вот пусть вам Семен Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Еременко:

– Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

– Двадцать семь?

– Так точно, двадцать семь.

– Герои, – сказал Еременко, – герои. – Помолчал, добавил: – А то, что смерть победили, что жизнь сберегли, – дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря – так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

Руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Окружила Советская Армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока еще в руках у фашистов. Ищут фашисты среди камней городских спасение.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких укрытий, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окруженной фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс!

Здесь, в подвале, штаб окруженной армии или, вернее, того, что осталось от армии. Понимают солдаты безвыходность своего положения. Одни еще бьются. Другие махнули на все рукой.

– Держитесь! Держитесь! – приказ солдатам.

Однако все меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывался фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

– Руки кверху!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы – в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окруженные под Сталинградом, окончательно сложили оружие. 330-тысячная гитлеровская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать. Советскими войсками было разбито или полностью уничтожено 22 фашистские дивизии. Пленено 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

– Двадцать две дивизии!

– Двадцать три генерала!

– Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!

– Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава ее в веках.

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

Подвиг Корницкого

Помнят друзья этот миг. Помнят друзья этот взрыв. Светлая память Михаилу Корницкому.

На Малой земле, в районе Станички, фашисты окружили группу советских десантников. Укрылись наши солдаты в здании школы. В этой группе и был младший сержант Михаил Корницкий.

Начался бой с врагами.

Шла перестрелка.

Строчили автоматы.

Летели гранаты.

Ясно фашистам – крепостью стала школа. Подтащили фашисты сюда орудие. Послали снаряды в школу.

Пробили снаряды стены. Пожар загулял по зданию. Все выше, все выше взлетает пламя. Искры каскадом сыплются.

Полыхает школа. Однако продолжается бой с фашистами.

Во время боя Михаил Корницкий был ранен осколком снаряда. Рана оказалась тяжелой. Перевязали друзья Корницкого. Опустили осторожно на пол. Пилотку под голову положили. Теряет десантник силы. Перестал быть бойцом боец.

Лежит Корницкий:

– Вот бы снова с друзьями вместе. Вот бы снова разить врагов.

Продолжается бой с фашистами. Все сильнее перепляс пожара.

Понимают солдаты: в одном спасение – надо покинуть дом. Да как здесь покинешь – Корницкий ранен. К тому же кругом засады.

– Рус, сдавайся! – кричат фашисты.

Не покинули десантники школу. Решили лучше погибнуть в огне, чем перед силой врагов склониться.

Наступили последние минуты боя. Вдруг. Лежал Корницкий на полу. Никто не заметил, как он поднялся. Никто не заметил, как обвязал себя гранатами. Приготовил гранату к взрыву.

– Прощайте, товарищи, – крикнул друзьям Корницкий.

Повернулись бойцы на голос. Видят, мелькнула спина Корницкого. Пригибаясь, вышел он из здания. Рядом находилась каменная стена-ограда. За ней и укрылась главная из фашистских засад.

Секунда. Вторая. Вот у стены Корницкий.

– Миша! Миша! – кричат бойцы.

– Да здравствует Родина! – прокричал Корницкий.

Откуда только сила взялась у воина! Снова боец Корницкий. Преодолеет стену младший сержант Корницкий, прыгнул на головы фашистов.

Рванули гранаты. Стена разбита. Конец засаде.

Устремились десантники из горящего дома в проем стены. Пробили кольцо фашистов.

Не забудется этот миг. Не забудется этот взрыв. Вечная память Михаилу Корницкому.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Корницкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Железный батальон

Бой шел у селения Крутой Лог. Это южнее Курска. Отсюда, со стороны Белгорода, наносили фашисты второй удар. Рвались они на Корочу, на Обоянь, на Прохоровку. Здесь, у селения Крутой Лог, как раз в направлении на Корочу, держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

120 танков, в том числе 35 «тигров», обрушились на наши окопы.

– Противотанковые ружья к бою! Гранаты к бою! – командует капитан Бельгин.

Сдержали наши удар фашистов. Откатились назад фашисты.

Откатились. Чуть переждали. Снова идут в атаку. На этот раз за танками идет пехота.

– Пропускай танки! – командует Бельгин.

Знают солдаты, что значит пропустить танки. Укрылись они в окопах. Проползли над ними фашистские танки. Поднялись бойцы, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанес батальон фашистам. Пока развернулись танки, пока пришли на помощь своим солдатам – защищать оказалось некого: легла под метким огнем советских стрелков вражеская пехота. Взялись наши солдаты теперь за танки. Достается фашистским танкам.

Удержали рубеж солдаты. Откатились назад фашисты.

Откатились фашисты. Чуть переждали. В третий раз начинают они атаку.

Опять пошли танки. За танками – пехота.

– Пропускай танки! – снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут, когда пройдут над головами танки.

– Сейчас пройдут, и тогда не зевай, – рассуждают солдаты.

– Снова покажем фашистам!

Все ближе к окопам танки, все ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились танки. Остановились. Затем развернулись. И стали «утюжить», то есть ходить по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов солдаты.

– Ну как?

– Не бегут, – отвечают фашистам. – Держатся.

Открыли тогда фашисты пулеметный огонь по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут солдаты.

– Ну как?

– Не бегут, – отвечают фашистам. – Держатся.

Но не только держались и удержались солдаты. Не прекращали с фашистами бой. 39 фашистских танков подорвали солдаты к концу сражения. Уничтожили без малого тысячу фашистов.

Отступили опять фашисты.

«Железным батальоном» назвали за этот бой батальон капитана Бельгина. Точное очень слово. Ищи, не найдешь другого.

Поклон победителям

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

– Летчики – вот кто лучше других сражался, – брошено первое мнение.

– Верно!

– Верно! – пошла поддержка.

И верно – отличились под Курском летчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

– Летчикам честь и слава. Почет наш великий летчикам, – соглашается чей-то голос. И тут же: – Однако под Курском не летчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

– Танкисты!

– Танкисты! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: герои Курска – первым делом на память идут танкисты.

– Танкисты – народ геройский. Нет тут другого мнения, – снова раздался голос. – А все же, если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

– Артиллеристы!

– Артиллеристы! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои – другого не скажешь про артиллеристов.

– Артиллеристы, конечно, боги, – соглашается чей-то голос. – И все же, если речь тут идет о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота – вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал свое главное слово.

– Пехота!

– Пехота! – дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

– Летчики в лучших!

– Танкисты в первых!

– Артиллеристы!

– Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

– Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приемникам. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий.

И тут же слова о героях битвы: о летчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этих дней и пошли салюты.

Великой победой Советской Армии завершилась грандиозная Курская битва.

Оксанка

- Воевал?
- Воевал!
- И ты воевал?
- И я воевал!
- И Манька, – сказал Тараска.
- И Оксанка, – сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Филька, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слезы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят. Остановилось кругом движение.

- Снарядов! Снарядов! – на фронте кричат батареи.
- Дисков! Дисков! – требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулеметных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны. Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сел, в чем нужда у Советской Армии.

- И мы не безрукие!
- Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам. Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

- И я хочу, – заявил Тараска.
- И я хочу, – заявила Манька.

И Филька, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят. Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заухали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды. Взрыв, взрыв, вот еще – самый сильный взрыв.

Остановились ребята.

- Мой снаряд взорвался, – говорит Тараска.
- Нет, мой! – возражает Филька.
- Нет, мой! – уверяет Гришка.
- Мой! Я его нес, – упрямо твердит Тараска.
- Нет, мой! – упирается Филька.
- Так это же точно – мой! – не сдается Гришка.

Вот-вот и возникнет ссора. А тут сразу несколько взрывов ахнуло.

– Наши! – сказала Манька.

Сошлись ребята на этом слове.

– Наши! – сказали хором.

Ну а при чем же, скажете вы, Оксанка? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла ее мать с собой. Сзади за плечами несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрончик.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошел, наклонился:

– Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец, на ручонке лежит патрончик.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил. «Спасибо», – сказал Оксанке.

Матросское сердце

В 1941 году, еще в первые месяцы войны, фашисты захватили Советский Крым. Они подошли к Севастополю.

250 дней и ночей советские моряки и солдаты героически обороняли город-крепость на Черном море. Но силы были неравными. Летом 1942 года прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Прощался матрос с Севастополем. Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной. Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью. Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Прощался матрос с Севастополем. Сердце в волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом он сражался.

Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский. Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Лют, беспощаден в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

– Ты что же, сердца никак лишился?

Отвечает друзьям матрос:

– Нет сердца – в волнах оставил.

Нелегкие годы провел матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами мечен. Минами сечен.

Но жив, не убит матрос.

– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Вяз он в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирали мороз.

Устоял, не погиб матрос.

– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

До Волги дошел матрос. От Волги шагнул матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нес, как факел.

Слово сдержал матрос.

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идет мощное советское наступление. Началось оно и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. Подошли к Севастополю. Сапун-гора на пути к морю. Укрепили ее фашисты. Прикрыла она Севастополь.

Возьмешь Сапун-гору – и твой Севастополь!

Пошли наши бойцы на огонь, пробili дорогу к городу.

9 мая 1944 года советские войска штурмом вошли в Севастополь и фашистов сбросили в море.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

– Здравствуйте! – крикнул он морю и солнцу.

– Здравствуйте! – крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

– Здравствуйте! – крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

– Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку как флаг повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

Всезнайка

Артиллерист Иван Можаров был ранен под Выборгом. Город Выборг находится на Карельском перешейке, на северо-запад от Ленинграда.

Здесь, на Карельском перешейке, и далее на север против нас вместе с фашистами сражались финны.

Финский народ устал от войны. Он хотел жить в мире со своим великим соседом. Но тогдашние правители Финляндии были враждебно настроены к Советскому Союзу.

– Вперед! Вперед! – подгоняли они на фронте своих солдат.

Финские войска захватили значительную часть Советской Карелии с севера, со стороны Карельского перешейка принимали участие в блокаде Ленинграда.

Наступил момент и здесь разгромить захватчиков.

Ранним утром 10 июня 1944 года советские войска перешли в наступление. Они получили приказ очистить от неприятеля Карельский перешеек и к 20 июня освободить город Выборг.

В этих боях при взятии Выборга и был ранен солдат Иван Можаров.

Попал артиллерист во фронтовую госпиталь, а затем для окончательного излечения был отправлен в тыл. Стали здесь интересоваться у Можарова, как там, на Карельском перешейке, шли бои.

Пришлось рассказать солдату.

Начал артиллерист с того момента, когда их артиллерийская бригада, – а находилась она в те дни в резерве фронта, – получила приказ выступить на передовую.

– Что и было сделано, – сказал солдат. – Выступили.

Нашелся местный всезнайка, сказал:

– Значит, резервы двинули.

Рассказал Можаров, как передвигались они к передовой, как вышли к реке Сестре. Здесь, совсем рядом с Ленинградом, тянулась линия фронта. Карельский перешеек был сильно укреплен. У одной стороны перешейка Балтийское море, Финский залив, с другой – Ладожское озеро. Сам перешеек перерезали три линии фашистской обороны.

Получили артиллеристы приказ занять исходные позиции.

– Что и было сделано, – сказал солдат. – Заняли.

– Значит, будет артподготовка, – вставляет местный всезнайка.

– Верно, – сказал Можаров.

Более двух часов гремели тогда орудия, прорывая фашистскую оборону. Лишь после этого войска перешли в наступление. На одном из участков прорыва, недалеко от Белоострова, на пути у наступающих войск оказался огромный неприятельский дот. Батарея, в которой служил Можаров, получила приказ уничтожить дот.

– Что и было сделано, – опять сказал Можаров. – Уничтожили.

– Крупным калибром били, – сказал всезнайка.

– Правильно, – подтвердил Можаров.

Рассказал Можаров, как подтянули солдаты к доту на близкое расстояние мощные орудия, как открыли огонь прямой наводкой. Стены у дота железобетонные. Толщина их два метра. Долго держался фашистский дот.

– Бей в одну точку, – командовал командир батареи.

Стали артиллеристы посылать снаряд в снаряд, то есть по три, по четыре раза били точно в одно и то же место. Стал поддаваться упрямый дот. Доконали, разбили его солдаты. Разбили этот и много других. Прорвали солдаты первую полосу неприятельской обороны. Впереди было еще две.

- Впереди будет еще две, – снова вставил всезнайка слово.
- Верно, – сказал Можаров.

Вышли солдаты ко второй полосе. Получили приказ штурмом осилить и эту.

- Что и было сделано, – снова сказал Можаров. – Осилили.
- Обошли стороной, – снова вставляет всезнайка.
- Так точно, – подтвердил Можаров. И рассказал, как было.

Не в лоб здесь ударили наши. Обошли полосу, приблизились к ней со стороны Финского залива. Снова выдвинули вперед артиллерию. Она и решила дело.

Рухнула вторая полоса обороны. Не устояла потом и третья. Взять штурмом Выборг – последовал теперь приказ.

- Что и было сделано, – сказал всезнайка.
- Верно, – сказал Можаров. – Взяли мы штурмом Выборг. Как приказано, так и сделано.
- Точно по приказу – 20 июня, – сказал всезнайка.

Действительно, Выборг был взят советскими войсками 20 июня 1944 года, точно в тот самый день, который был указан в первом же приказе.

– Верно, – сказал Можаров. Посмотрел на слушателей. Потом посмотрел на всезнайку. Откуда это он все знает?

Улыбнулся всезнайка:

- Так я же оттуда, с Карельского перешейка. В бригаде одной сражались.
- Рассмеялся Можаров. Рассмеялся всезнайка. При всех горячо обнялись.
- Значит, как приказано, так и сделано, – сказал всезнайка.
- Как приказано, так и сделано! – подтвердил Можаров.

Вскоре после падения Выборга финское правительство запросило мира. Финляндия вышла из войны с Советским Союзом.

«Багратион»

«Багратион» – так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Советскую Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Петр Багратион – сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырех фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года Белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперед, сломили фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за другим сообщения:

Наши войска окружили фашистов под городом Витебском.

Вступили в Жлобин.

Фашисты бегут из Орши.

Взят Могилев.

Фашисты окружены под Бобруйском.

Взяты Слуцк,

Борисов,

Вилейка,

Несвиж.

И вот новое, самое радостное, самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котел».

Дальше пошли войска. И снова идут сообщения:

– Взяты Полоцк,

Молодечно,

Ошмяны,

Лепель.

Наши в Барановичах!

Наши в Гродно!

Пинск встречает освободителей.

Лида свободна!

Свободен Слоним!

Все дальше, дальше отодвигается линия фронта. Все больше белорусской земли свободной. Продолжают войска наносить удар.

Собрались как-то командующие всех четырех фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, – генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский.

Посмотрел на соратников маршал Жуков:

– Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

– Багратиона?

– Багратиона, – ответил Жуков.

Три автомата

Солдат Ковригин в стрелковом взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата:

– Отец!

– Папаша!

А чаще:

– Батя?

Ему за сорок. Давно семейный. Дети-солдаты есть у солдата.

Дивизия, в которой служил Ковригин, наступала на Берлин с севера.

Пробились солдаты через Панков. Это берлинский пригород, большой район. Вышли на Фридрихштрассе – одну из центральных берлинских улиц. Особенно упорные здесь бои. Дрались за каждый дом. Поработала здесь артиллерия. Самолеты бомбили улицу. От многих домов остались лишь стены. И все же не сдаются фашисты. Огрызается каждый дом.

Ворвались солдаты в один дом. Устремились по лестнице вверх – оттуда велась стрельба. А Ковригин внизу остался обследовать нижний этаж – нет ли внизу засады.

Прошел Ковригин из комнаты в комнату. Пройти нетрудно. Стены во многих местах пробиты. Хотел возвращаться назад. Вдруг видит: в полу проем. Подвал сквозь проем чернеет. Глянул солдат в проем. Отпрянул. Засвистели оттуда пули. Бьют, как фонтан, как гейзер. Схватил Ковригин гранату. Опять к проему. Только думал швырнуть гранату. Да затихла в этот момент стрельба.

Поберег он гранату. Шагнул к проему. Не ответил подвал огнем. Глянул Ковригин. Видит, в подвале сидят мальчишки. Трое. По автомату в руках у каждого. Смотрят как из норы волчата. Прижались один к другому.

Знал о таких Ковригин. Не хватает солдат у фашистов. Призвали стариков и подростков в армию. Автоматы мальчишкам в руки:

– С вами бог! На врага, молодая Германия!

Не смотрит война на возраст. Гибнут в боях юнцы.

Спрятал солдат гранату.

– Марш по домам – нах хаузе! – крикнул в подвал Ковригин.

В это время наверху началась сильная перестрелка. Побежал Ковригин к своим на помощь. Удачно прибыл. Помог гранатой.

Взяли вскоре солдаты дом.

Уже потом, когда выходили они на улицу, снова Ковригин свернул к подвалу. Шел осторожно. Автомат на всякий случай держал на взводе.

Поравнялся с проломом. Остановился. Глянул. Нет мальчишек. Тихо в подвале. Пусто. Присмотрелся. Что там такое? Видит: три автомата в рядок лежат.

– Ковригин! Ковригин! – позвали бойцы солдата.

– Тут я!

Вернулся к своим Ковригин.

– Что там такое?

– Да так, ничего, – ответил солдат, посмотрел на стены, на перекрытия. – Эх и крепка домина!

Солдат Ковригин во взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата:

– Отец!

– Папаша!

А чаще:

– Батя!

Ему за сорок. Давно семейный. Солдаты-дети есть у солдата.

Мерещится

Приметил его Неверов. Да и трудно было не заметить. Бросался фашист в глаза. Скулы имел лошадиные. К тому же лычка на нем ефрейтора.

Приметил его Неверов еще в первом бою в Берлине. Потом потерял, из виду. Однако когда битва втянулась совсем в Берлин и пошла по домам, по улицам, снова Неверов его увидел.

«Ах, жив ты еще, выходит?» Стал он за ним следить. Не выпускает из виду. Следил, следил. Однако бой есть бой. Отвлёкся в бою Неверов. Утерял, как иглу, скуластого. Видно, убит, заключил солдат.

В это время в тылу у наших вдруг появилась фашистская группа. Неверов попал в отряд, который был брошен на отражение атаки фашистов с тыла. Как они тут? Откуда? – гадают солдаты. С неба, что ли, они упали. Там, где оказался фашистский отряд, еще вчера завершились бои.

Вступили солдаты с фашистами в схватку. Бьется Неверов. И вдруг видит Неверов того ефрейтора. Присмотрелся. Конечно, он. Вот так военное диво! Как он, откуда здесь?

– Ну, не уйдешь теперь!

Окружили бойцы фашистов. Уже добивают совсем врагов. Остался лишь этот и с ним немногие. И вдруг, как в сказке, исчезли куда-то фашисты. То ли взлетели в воздух, то ли под землю рухнули.

Обыскали солдаты округу. Нет ни ефрейтора, ни тех, что с ним.

Вернулись бойцы к своим. Доложили, мол, уничтожен в тылу противник. Бьются солдаты на новом месте. Бьется Неверов. И снова ефрейтор ему мерещится.

– Тьфу! Тьфу!

Присмотрелся. Конечно, он – кобыльи скулы.

Что за чертовщина.

Вцепился Неверов в фашиста глазами. Выбью я твой секрет. Бегут фашисты от дома к дому. Неверов по пятам за скуластым. Фашист за дом, и Неверов за дом. Фашист в подворотню, и Неверов за ним. Фашист в подвал, и Неверов в подвал. Спустился ефрейтор в какой-то люк. Переждал немного Неверов и тоже в люк. Попал он в лабиринт подземных ходов и укрытий. Так вот в чем секрет, сообразил Неверов. Вот как фашисты переходят с места на место. Вот почему то стоят они перед нами, то вдруг опять вырастают у нас в тылу.

Хотел Неверов догнать солдата. Однако исчез, растворился, как дым, ефрейтор.

Рассмеялся Неверов, махнул рукой.

– Ладно, живи, счастье твое, проворный! – Рад солдат, что подземный проход открыл. Доложил обо всем начальству.

Не только на улицах города идут бои за Берлин. По вертикали, в три яруса, в три этажа развернулось кругом сражение. Бьются на улицах, в квартирах и на крышах домов, глубоко под землей – в подвалах, укрытиях и переходах. Всюду идут бои. Все ближе и ближе к центру.

Дедушка, бабушка, Герхард и Густав

Жило их четверо – бабушка Эльза, дедушка Курт, маленький мальчик Герхард и попугай – старый веселый Густав.

Целый день по хозяйству возится бабушка. Герхард рисует или кубики разбирает. Дедушка Курт, склонившись, сидит над картой.

Дедушка в прошлом солдат. Всю войну просидел за картой. По карте следил за войной. По карте в войну играл.

– Я солдат! Я солдат! – четыре года выкрикивал дедушка. – Фюрер ведет нас к победе. Хайль Гитлер!

Когда дедушка брал в руки карту, попугай садился к нему на плечо. Тоже смотрел на карту. Научил его дедушка Курт с большим почтением относиться к карте. «Вот тут наши победы», – тыкал дедушка рукой на карту. Научил он попугая фашистским приветствиям.

– Хайль Гитлер! – кричит Густав.

Нравится это дедушке, нравится это бабушке, очень нравится Герхарду.

– Хайль Гитлер! – дружно кричит семейство.

Но вот все изменилось. Докатилась война до Германии. Докатилась война до Берлина. Все ближе и ближе подходит к той улице, где живут дедушка, бабушка, внук и Густав. Живут они в центре. На Фридрихштрассе. Недалеко от имперской канцелярии.

Бомбят центр города советские самолеты. Орудия бьют по центру. Где же укрыться? Кто-то сказал – под землей в метро.

И вот бабушка Эльза, дедушка Курт и маленький мальчик Герхард бегут в метро. Дедушка Курт клетку несет с попугаем.

– Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! – кричит Густав.

Спустились они под землю. Масса народа укрылась сейчас в метро. Старики и старухи, мальчики, девочки, калеки, младенцы. Вот друзья Герхарда Фред и Отто. Вот подружки Гретхен и Эва. Где-то идет стрельба. Там, наверху, война. Здесь, под землей, спокойно.

Часы показали вечер. Ко сну потянулись люди. Задремали бабушка Эльза и дедушка Курт. И Герхард, и Фред, и Отто. И подружки Герхарда – Гретхен и Эва. И сотни других людей.

Вдруг сквозь дрему, сквозь сон почудился Герхарду всплеск воды. Открыл он глаза, и верно: вода бежит из тоннеля. Все прибывает. Поднимается выше и выше.

Проснулась бабушка Эльза, проснулся дедушка Курт. Отто и Фред проснулись. Гретхен и Эва. И сотни других людей. Проснулся и старый веселый Густав.

– Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! – кричит Густав.

Увидели люди воду. Бросились к выходу. Но и отсюда бежит вода. Началась паника. Давка. Крики. Барахтаются люди. Водоворотом бушует кругом вода.

Это по приказу Гитлера на реке Шпрее были открыты шлюзы. Боялся Гитлер, что по тоннелям метро советские войска прорвутся к имперской канцелярии. Приказал открыть шлюзы, залить тоннели.

Все больше и больше воды в тоннелях. По пояс вода, по шею. Вот скрылись Герхард, и Отто, и Фред. Гретхен и Эва скрылись. Бабушки Эльзы уже не видно. Все выше и выше кругом вода. Лишь клетка с Густавом, как лодка по морю, плавает.

– Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! – кричит, надрывается Густав.

Очистил воздух. Рассеял гарь

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофер Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелегкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливают бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал сто литров. Доложил.

– Мало, – сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? – гадают. – Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто, от силы двести метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвемся?!»

Облазил Кемпке, обшарил, обнюхал все, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал еще восемьдесят литров. Нет больше бензина нигде ни грамма.

Доложил Кемпке:

– Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Снес он сюда канистры. Стоит и опять гадают: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там, внизу, в подземелье у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближенные фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю – он уходит из жизни.

– Немецкий народ не достоин меня! – кричал на прощание фюрер.

– Труссы!

– Глупцы!

– Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке несколько пилюль с отравой. Напротив овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру – все кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда... Страшно о плене подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Позвал щенят. Потянулись, глупцы, доверчиво... Тихо, замерло все за дверью. Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвертого. Открыли дверь приближенные. Мертвы и фюрер, и Блонди, и щенки.

Завернули тело Гитлера в ковер. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Пробышевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время советские воины шли в последний бой. Начался штурм рейхстага.

Последние метры война считает

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружения, два года идет вперед. Хранила судьба солдата.

– Я везучий, – шутил солдат. – В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

– Вперед! Ура! – кричит командир.

– Ура-а-а! – повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Поднял он землю девятым валом. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат.

Кто видел, лишь ахнул:

– Вот так пуля ему не отлита.

– Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова – отличный товарищ, солдат примерный.

Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немного совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты – глазам не верят.

Жив оказался солдат. Засыпал – отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Знамя Победы

- Сержант Егоров!
- Я, сержант Егоров.
- Младший сержант Кантария.
- Я, младший сержант Кантария.

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Ушли бойцы. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится лечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку. Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

«Ох, выше бы!» – вырывается у бойцов. И, как бы услышав товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется Красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две, десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Друзья живы. Знамя цело. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания – по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам. Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь войну принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам, как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Был май 1945 года. Гремела весна. Ликовали люди и земля. Москва салютовала героям. И радость огнями взлетала в небо.

Ханс Кристиан Андерсен

Сказки

Дикие лебеди

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть – все равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печеных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

– Летите-ка подбру-поздорову на все четыре стороны! – сказала злая королева. – Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, – они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, темный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зеленым листочком – других игрушек у нее не было; она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же теплые лучи солнца скользили по ее щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» – розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая Псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» – книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и Псалтырь говорили сухую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и ее отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы ее в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

– Сядь Элизе на голову, когда она войдет в купальню; пусть она станет такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! – сказала она другой. – Пусть Элиза будет такой же безобразной, как ты, и отец не узнает ее! Ты же ляг ей на сердце! – шепнула королева третьей жабе. – Пусть она станет злонравной и мучается от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела ее и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на нее.

Увидав это, злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец ее испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдет.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой теплый, в траве мелькали, точно зеленые огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелями на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стояла полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нулики, как бывало прежде, – нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, – они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густой листвой деревьев, но отдельные лучи его пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шел чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьев, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружен живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде свое лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было черное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потеряла глаза и лоб, и опять заблестела ее белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что Бог не покинет ее: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшегося ей под ноги. Ни единой птички не зале-

тало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чашу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее; во мху не светилося ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись и на нее глянул добрыми очами сам Господь Бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

– Нет, – сказала старушка, – но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они все же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всем его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, – вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни – тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях еще блестели капли – росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озер. Если на небо надвигалась большая черная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» – начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, – море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зеленым, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно легкое волнение, – вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой. Элиза взобралась на верх обрыва и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и ее братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

– Мы, братья, – сказал самый старший, – летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий

образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твердую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полета под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живем же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через все море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утес, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим Бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины – и теперь-то для этого перелета нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живет наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чудную, но не родную нам страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

– Как бы мне освободить вас от чар? – спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоем, к вечеру же прилетели и остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

– Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! – сказал младший брат. – Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки довольно сильны, чтобы пронести тебя через лес, – неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

– Да, возьмите меня с собой! – сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в нее положили Элизу; превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей еще крепким сном сестрицей к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над ее головой, защищая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, – она догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, казался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако – настоящая гора! – и на нем Элиза увидела движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина! Таких ей еще не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушные тени мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но все-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, – одинокого морского утеса все еще

не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдет солнце, они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться Богу, но утес все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с неимоверною быстротой, и девушка подумала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидела под собой утес, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звездочкой; но вот лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва уместались на крошечном утесе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождем брызг; небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как плыла по темно-зеленой воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с массами блестящего льда на скалах; между скалами возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колеса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок фата-морганы; туда они не смели принести ни единой человеческой души. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины! Но вот наконец показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки. Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелеными коврами, – так обросла она нежно-зелеными ползучими растениями.

– Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! – сказал младший из братьев и указал сестре ее спальню.

– Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! – сказала она, и эта мысль так и не выходила у нее из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку фата-морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

– Твоих братьев можно спасти, – сказала она. – Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и все-таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать

рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не закончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!

И фея коснулась ее руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленое волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на ее руки, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его падали ей на руки, и там, куда упала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шел ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе, – никогда еще не встречал он такой красавицы!

– Как ты попала сюда, прелестное дитя? – спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от ее молчания зависела жизнь и спасение ее братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел, как она страдает.

– Пойдем со мной! – сказал он. – Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце! – И он посадил ее на седло перед собой; Элиза плакала и ломала себе руки, но король сказал: – Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблаговаришь меня!

И повез ее через горы, а охотники скакали следом. К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквами и куполами, и король привел Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были изукрашены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нашептывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустной и печальной. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле ее спальни. Ком-

натка вся была увешана зелеными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь; все это, как диговинку, захватил с собой из леса один из охотников.

– Вот тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! – сказал король. – Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую ее сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал ее к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для нее телесная боль, если сердце ее изнывало от тоски и жалости к милым братьям! Губы ее по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них – она знала, что от ее молчания зависит жизнь братьев, – зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы только порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но – увы! – она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нее вышло все волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать ее сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающей мое сердце! – думала Элиза. – Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы-ламии; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и тарасили на нее свои злые глаза, но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее – архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву; итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришел к нему в исповедальную, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против нее, неодобрительно качая головами. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаенной комнатке.

Чело короля становилось все мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слезы, блестевшие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, желали быть на месте королевы! Но скоро-скоро конец ее работе; недоставало всего одной рубашки, и тут у Элизы опять не хватило волокна. Еще раз, в последний раз, нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и о страшных ведьмах; но решимость ее спасти братьев была непоколебима, как и вера в Бога.

Элиза отправилась, но король с архиепископом следили за ней и увидели, как она скрылась за кладбищенскою оградой; подойдя поближе, они увидели сидевших на могильных плитах ведьм, и король повернул назад: между этими ведьмами находилась ведь и та, чья голова только что покоилась на его груди!

– Пусть судит ее народ! – сказал он.

И народ присудил – сжечь королеву на костре. Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное, сырое подземелье с железными решетками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Вместо бархата и шелка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетенные ею жесткие рубашки-панцири – постелью и коврами; но дороже всего этого ей ничего и не могли дать, и она с молитвой на устах вновь принялась за свою работу. С улицы доносились до Элизы оскорбительные песни насмежавшихся над нею уличных мальчишек; ни одна живая душа не обратилась к ней со словом утешения и сочувствия.

Вечером у решетки раздался шум лебединых крыл – это отыскал сестру самый младший из братьев, и она громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь; зато работа ее подходила к концу, и братья были тут!

Архиепископ пришел провести с нею ее последние часы, – так обещал он королю, – но она покачала головой и взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все ее страдания, и слезы, и бессонные ночи! Архиепископ ушел, понося ее бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал ее своею веселою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя: король еще спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было – над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей. Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на нее накинули плащ из грубой мешковины; ее чудные длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

– Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у нее в руках – нет, все возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг нее, собираясь вырвать из ее рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

– Это знамение небесное! Она невинна, – шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо нее было лебединое крыло: Элиза не успела закончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

– Теперь я могу говорить! – сказала она. – Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев – так действовали на нее неустанное напряжение сил, страх и боль.

– Да, она невинна! – сказал самый старший брат и рассказал все, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз – это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал еще ни один король!

Русалочка

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная, как чистое стекло, – но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, только тогда бы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды.

Между ветвями шныряют рыбы большие и маленькие – точь-в-точь как у нас птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются смотря по тому, прилив или отлив; это очень красиво: ведь в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить всего-навсего шесть. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, особенно потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шестеро принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но и у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росли огненно-красные и темно-голубые деревья с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы – как огоньки. Земля была усыпана мелким голубоватым, как серное пламя, песком, и потому там на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск – можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы был в саду свой уголок; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая...

Другие сестры украшали свой садик разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая пышно разрослась; ветви ее обвивали статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, – вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, – не то что тут, в море! – что леса там зеленые, а рыбы, которые живут в ветвях, звонко поют. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь сроду не видывали птиц.

– Когда вам исполнится пятнадцать лет, – говорила бабушка, – вам тоже разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам – а они были погодки – приходилось еще ждать, и дольше всех – самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, – рассказов бабушки им было мало, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое темное облако, и русалочка знала, что это или проплывал кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше же всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни звезд, горели огни, слышались музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть, куда она захочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... да тут у нее уж и слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро неслись по небу, но еще быстрее их несла к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные густыми рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких ребятишек, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно принялся на нее таявкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть у них и нет рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни глянь, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинувшееся, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали боль-

шие ледяные горы – ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развеивал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загредел гром и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Вообще каждая из сестер была в восторге от того, что видела в первый раз, – все было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали говорить, что везде хорошо, а дома, на дне, лучше.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность; у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что корабль обречен на гибель, они подплывали к нему и нежными голосами пели о чудесах подводного царства и уговаривали моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумит буря; да им все равно и не удалось бы увидеть на дне никаких чудес – если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не умеют плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

– Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? – говорила она. – Я знаю, что очень полюблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала бабушка, вдовствующая королева. – Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, – каждый лепесток был половиной жемчужины – потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восемью устрицам.

– Да это больно! – сказала русалочка.

– Ради красоты и потерпеть не грех! – сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венок, – красные цветы из ее сада шли ей куда больше, – но она не посмела!

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, точно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались ясные вечерние звезды; воздух был мягок и свеж, а море – как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, – не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и когда волны слегка приподымали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звезды с небес попадали к ней в море. Никогда еще не видела

она такой огненной потехи: большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц!

Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать скорость, паруса развевались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились, и где-то вдали засверкала молния. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля вставали высокие волны, словно черные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на хребет волн. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски разлетались в щепки, волны перекатывались через палубу; вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскивала глазами принца и, когда корабль разбился на части, увидела, что он погрузился в воду. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они во всякую минуту могут ее раздавить. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами; но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание, вроде церкви или монастыря. В роще росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот здания – высокие пальмы. Море врезывалось в белый песчаный берег небольшим заливом; там вода была очень тиха, но глубока; сюда-то, к утесу, возле которого море намыло мелкий белый песок, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом доме зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морскою пеной – теперь никто не различил бы в этой пене ее лица – и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела,

что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли как хотели, по тропинкам и на дорожках, переплелись своими стеблями и листьями с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок, ну, а те никому не сказали, разве уж самым близким подругам. Одна из них тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где находится королевство принца.

– Поплыли вместе, сестрица! – сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она; она же заплывала и в узкий канал, который проходил как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами, – русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь машет крыльями.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его полумертвого носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а их земля с лесами и полями тянулась далеко-далеко, ее и глазом не охватить! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

– Если люди не тонут, – спрашивала русалочка, – тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

– Ну что ты! – отвечала старуха. – Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда не воскресаем; мы – как тростник: вырвешь его с корнем, и он не зазеленеет вновь!

У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звездам! Как мы можем подняться со дна морского и увидеть землю, где живут люди, так и они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видеть никогда!

– А почему у нас нет бессмертной души? – грустно спросила русалочка. – Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо.

– Вздор! Нечего и думать об этом! – сказала старуха. – Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

– Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу?

– Можешь, – сказала бабушка, – пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки – ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить – не тужить! – сказала старуха. – Повеселимся вволю свои триста лет – срок немалый, тем слаще будет отдых после смерти! Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены – и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи и больших и маленьких рыб и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких звучных, нежных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла – только бы мне быть с ним и обрести бессмертную душу! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава – кругом только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину всё, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и

кустов в нем росли полипы, полуживотные – полурастения, похожие на стоголовых змей, росших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки, и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплетками и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе – тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и растянулись на песке.

– Ну ладно, ты пришла в самое время! – продолжала ведьма. – Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную, скользкую походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по острым ножам, так что изранишь свои ножки в кровь. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

– Да! – сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

– Помни, – сказала ведьма, – что раз ты примешь человеческий облик, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

– Пусть! – сказала русалочка и побледнела как смерть.

– А еще ты должна мне заплатить за помощь, – сказала ведьма. – И я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

– Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? – спросила русалочка.

– Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза – этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, я и отрежу его в уплату за волшебный напиток!

– Хорошо! – сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтерла котел связкой живых ужей. Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой!

– Бери! – сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая – не могла больше ни петь, ни говорить!

– Если полипы схватят тебя, когда ты поплывешь назад, – сказала ведьма, – брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого делать – полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда, – ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял красавец принц и смотрел на нее своими черными, как ночь, глазами; она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее две ножки, беленькие и маленькие, как у ребенка. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, как пузырек воздуха; принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользящей походке.

Русалочку раздели в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!»

Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, он назвал русалочку своим маленьким найденным, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви касались ее плеч; они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели

это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не подымалась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она не могла ведь обрести бессмертной души и должна была, в случае его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» – казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

– Да, я люблю тебя! – говорил принц. – У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! – думала русалочка. – Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! – И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. – Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плаванье. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась – она ведь лучше всех знала мысли принца.

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не люблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и бессмертной души.

– Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? – говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубинах, и о том, что видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, – она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха

бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.